

роспѣву, но исключительно, хотя и въ несовершенствѣ, слѣдуютъ *словесному ритму пѣснопѣній*.

Дневные напѣвы болгарского роспѣва кратки по своему мелодическому составу, такъ что на каждый слогъ, текста приходится лишь по одному звуку напѣва, однако ихъ мелодіи, слѣдя нота за нотой основнымъ звукамъ *недополненныхъ* напѣвовъ, не изобилуютъ речитативнымъ повторенiemъ того или другаго, а имѣютъ колебательное движение вверхъ и внизъ, выражаемое притомъ *бѣлыми*, а не *черными* нотами, и потому, допуская скорость въ исполненіи, не допускаютъ *блгости* въ пѣніи, какъ допускаютъ онуу нѣкоторые изъ напѣвовъ краткаго *кіевскаго* роспѣва, по позднѣйшимъ ихъ редакціямъ. По этой же причинѣ эти мелодіи болгарского роспѣва не могутъ быть и сокращены въ нотописи, но всегда излагаются въ полномъ ихъ видѣ.

Въ юго-западныхъ нотно-линейныхъ ирмологахъ дневныя мелодіи болгарского роспѣва имѣютъ весьма ограниченное употребленіе: онъ применены главнымъ образомъ къ краткому пѣснопѣнію „Богъ Господь“ и только въ гласахъ VI, VII и VIII—къ воскресному тропарю и сѣdalьнымъ пѣснопѣніямъ, въ праздничныхъ же пѣснопѣніяхъ не встречаются. Въ Синодальномъ Обиходѣ онъ, кроме упомянутыхъ гласовъ, совершенно выпущены.

О происхожденіи болгарского роспѣва.

Роспѣвъ, именуемый у насъ нынѣ *болгарскимъ*, въ старыхъ крюковыхъ великороссійскихъ пѣвчихъ книгахъ не встречается. Онъ становится известенъ въ Россіи только съ XVII вѣка главнымъ образомъ изъ юго-западныхъ нотно-линейныхъ ирмологовъ и другихъ нотныхъ сборниковъ, изъ которыхъ заимствованъ и въ нотная великорусская книга. Въ великую Россію роспѣвъ этотъ въ первый разъ принесенъ

пѣвцами и пришельцами Юго-Западной Руси въ концѣ жизни патр. Іосифа (1648—1650 г.) и потому, какъ роспѣвъ новый, отвергнутъ мнимыми старообрядцами¹⁾.

Итакъ непосредственнымъ источникомъ *болгарскаго* пѣнія для великорусской Церкви были пѣвчія книги и практика православной Юго-Западной Руси XVII вѣка. Но затѣмъ время и мѣсто первоначального происхожденія *болгарскаго* роспѣва остаются неясными. Въ самой Юго-Западной Россіи болгарскій роспѣвъ извѣстенъ лишь съ XVII вѣка, въ періодъ борьбы юго-западныхъ православныхъ братствъ съ католичествомъ и уніею, и притомъ только на линейныхъ нотахъ. Ранѣе же сего времени памятниковъ его тамъ не открыто. Не открыто пока его памятниковъ также и въ *болгарской* или какой либо другой славянской церкви, и только въ XVIII вѣкѣ Барскій слышалъ этотъ роспѣвъ на Аѳонѣ. Болѣе ясныхъ историческихъ указаний на происхожденіе *болгарскаго* роспѣва мы пока не имѣемъ.

Скудость источниковъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи *болгарскаго* роспѣва еще болѣе становится ощущительна вслѣдствіе отсутствія болѣе или менѣе удовлетворительныхъ описаній самыхъ нотныхъ памятниковъ этого роспѣва, несомнѣнно имѣющихся въ разныхъ книгохранилищахъ, и даже указаний на нихъ. Доселѣ изслѣдователи, разсматривая иногда довольно подробно церковный бытъ старой Юго-Западной Руси, рѣшительно умалчиваютъ о церковномъ пѣніи въ ней и даже о печатныхъ львовскихъ и почаевскихъ нотныхъ

---

¹⁾ Объ усиленныхъ сношеніяхъ Юго-Западной Россіи съ Московскимъ государствомъ въ XVII вѣкѣ и о частыхъ переходахъ монашествующихъ, иногда въ большомъ количествѣ, въ великорусские монастыри см. »Исторію русской Церкви« митр. Макарія т. XI, стр. 319 и др. Юго-Западные пѣвцы со временемъ патр. Никона многократно были вызываемы въ Великую Россію для установленія тамъ, особенно въ Новгородѣ и Москвѣ, церковнаго пѣнія по южно-русскимъ образцамъ.

книгъ, какъ бы ихъ вовсе и не существовало. Даже въ специально археологическихъ брошюрахъ и статьяхъ, описывающихъ пѣвчія книги юго-западнаго происхожденія, мы видимъ лишь описаніе миньятюръ, заставокъ и особенностей текста книгъ, и решительно не находимъ упоминанія не только о мелодическомъ ихъ содержаніи, но даже о количествѣ и составѣ заключающихся въ нихъ пѣснопѣній.

Такое молчаніе историковъ и археологовъ о существенномъ въ дѣлѣ конечно не можетъ приблизить вопросъ о происхожденіи *болгарскаго* роспѣва къ его решенію, но не должно останавливать относящихся къ нему изслѣдований и выводовъ, хотя бы только предположительныхъ. Изслѣдованія эти по крайней мѣрѣ могутъ уяснить частные пункты вопроса, отвергнуть неумѣстныя предположенія, намѣтить мѣста, въ которыхъ роспѣвъ этотъ могъ сложиться, и пути, которыми могъ проникнуть въ Россію. Съ другой стороны недостатокъ положительныхъ данныхъ исторіи можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ дополненъ чрезъ разсмотрѣніе свойствъ самаго роспѣва и чрезъ указаніе на косвенные аргументы. Въ этихъ видахъ и съ этою оговоркою мы и решаемся съ своей стороны предложить по данному вопросу нѣкоторыя свои соображенія.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе неясность и, такъ сказать, разнорѣчивость историческихъ и техническихъ данныхъ, которая какъ будто отвергаютъ происхожденіе *болгарскаго* роспѣва изъ Болгаріи, а указываютъ на источники его въ иныхъ мѣстахъ. Въ самой Болгаріи донынѣ не открыто памятниковъ извѣстного намъ *болгарскаго* роспѣва. Но есть въ старыхъ нотныхъ великорусскихъ книгахъ надписи, намекающія какъ бы на составленіе этого роспѣва въ самомъ Киевѣ или Юго-Западной Россіи, есть свойства въ болгарскомъ роспѣвѣ, указывающія какъ бы на западно-европейское его происхожденіе. *Осмогласie* же и коренные музикальные основанія этого роспѣва напротивъ сходны съ гре-

ческими, а Барский слышалъ этотъ роспѣвъ на Аѳонѣ. Но выводы изъ этихъ отрывочныхъ и недостаточно опредѣленныхъ данныхъ о происхожденіи роспѣва требуютъ большой осторожности. Въ Болгаріи доселѣ не открыто памятниковъ извѣстнаго намъ *болгарскаго* роспѣва. Но кто же особенно старался и открыть эти памятники? Недостатокъ ихъ свидѣтельствуетъ лишь о недостаточности изслѣдованій по церковному пѣнію, а также о его измѣняемости со временемъ. Если у насъ до крайности скучны историческая извѣстія о нашемъ юго-западномъ, нѣкогда цвѣтущемъ, пѣніи, то еще менѣе мы можемъ ожидать таковыхъ отъ нашихъ путешественниковъ о пѣніи у болгаръ, производившемся по древнему обычаю по большей части устно¹⁾), или записанномъ непонятными для насъ крюками, пѣніи нынѣ увядшемъ и конечно отчасти утратившемся вмѣстѣ съ его письменными памятниками подъ долговременнымъ игомъ турокъ и наконецъ измѣнившемся съ измѣненіемъ вкусовъ и направленій. Примѣры подобнаго рода измѣняемости церковнаго пѣнія мы видимъ и въ Греціи и въ Россіи. Нѣтъ нынѣ въ Греціи ни нашего *столпового*, ни даже греческаго роспѣва, такъ недавно принесенного оттуда въ Россію іеродіакономъ Мелетіемъ; однако мы не сомнѣваемся, что тотъ и другой роспѣвъ имѣютъ свои начала въ византійскомъ пѣніи. Въ Россіи нѣкогда процвѣтало *столповое* пѣніе, нынѣ же не только

---

¹⁾ По священному уставу многихъ древнихъ народовъ все божественное и героическое воспѣвалось ими *наизустъ*. 2-е путешествіе на Аѳонѣ архіеп. Порфирия Успенскаго. Москва, 1880 г., стр. 228. На Аѳонѣ до XIX вѣка, за трудностію древнихъ пѣвческихъ знаменъ, ученики пѣли больше *наизустъ*, чѣмъ по нотамъ. 1-е путешествіе его же. Ч. II, отд. 2, прилож. 2, стр. 80. Сербскій роспѣвъ въ Сербіи, до нотныхъ его положеній К. Станковичемъ (1854 г.), сохранился лишь *устнымъ преданіемъ*. Церк. пѣніе въ Россіи, прот. Д. Разумовскаго. М. 1868, стр. 175.

въ пѣвческой практикѣ, но и въ печатныхъ нотныхъ сборникахъ, мы встрѣчаемъ его весьма рѣдко въ прежнемъ его видѣ. Такъ измѣнчивы вкусы и направленія въ церковномъ пѣніи.—Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ старыхъ великорусскихъ рукописяхъ роспѣвъ *болгарскій* усвоется надписаніями то *Kievu*, то Кіево-Печерской Лаврѣ, то православнымъ южно-русскимъ братствамъ. Но и это обстоятельство, какъ показано будетъ ниже, не указываетъ на его первоначальное происхожденіе, а только на то, что въ Великую Россію онъ заимствованъ непосредственно изъ Юго-Западной Россіи чрезъ пѣвцовъ кіевского района. Барскій слышалъ *болгарскій* роспѣвъ на Аѳонѣ, но онъ слышалъ тамъ и роспѣвъ *сербскій*, а позднѣйшіе путешественники слышали тамъ и роспѣвъ придворный¹⁾). Это значитъ не то, что роспѣвы эти тамъ составились, но только то, что пришлое населеніе Аѳона изъ разныхъ мѣстъ приносить туда съ собою и привычные ему напѣвы.—Болгарскій роспѣвъ не могъ быть заимствованъ и изъ Греціи, такъ какъ при нѣкоторыхъ общихъ съ греческимъ пѣніемъ музыкальныхъ основаніяхъ, свойственныхъ и другимъ осмогласнымъ роспѣвамъ, имѣть и конструкцію и характеръ мелодического движения совершенно особые отъ греческаго пѣнія. Наконецъ, предположеніе о заимствованіи *болгарскаго* роспѣва въ Юго-Западную Русь отъ западныхъ славянскихъ племенъ, живущихъ за рубежемъ Россіи, не имѣть въ подтвержденіе себѣ никакихъ историческихъ данныхъ. *Симметрический ритмъ* и *тактъ* могъ быть употребителенъ и въ Болгаріи подъ влияниемъ европейскихъ музыкальныхъ началъ, нотная же книги, въ которыхъ имѣется *болгарскій* роспѣвъ, писаны и печатаны не за рубежемъ Россіи, а во Львовѣ, Почаевѣ и въ близкихъ къnimъ мѣстахъ,

---

¹⁾ Проф. Н. Покровскій. См. Церк. Вѣдом. за 1889 г. № 28 »Изъ воспоминаній объ Аѳонѣ«.

тщаніемъ православныхъ юго-западныхъ братствъ, или же подъ ихъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ.

И надписи въ нотныхъ книгахъ юго-западнаго происхожденія, и содержаніе распѣтыхъ *болгарскимъ* роспѣвомъ пѣснопѣній и, главное, конструкція и мелодическія свойства этого роспѣва, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что роспѣвъ этотъ славянскаго, но не русскаго и не южно-русскаго происхожденія. Въ некоторыхъ великорусскихъ нотныхъ книгахъ болгарскій роспѣвъ называется иногда *кіевскимъ* и *южно-русскимъ*, но ни Кіевъ, ни Юго-Западная Русь не присвоютъ его себѣ, а называютъ его *болгарскимъ* роспѣвомъ. Такъ онъ по крайней мѣрѣ называется согласно во всѣхъ юго-западныхъ нотно-линейныхъ ирмологахъ, извѣстныхъ намъ съ 1652 г. Название это, даже при его неточности, по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что роспѣвъ этотъ состоялся не въ предѣлахъ Юго-Западной Руси, а принесенъ туда извнѣ, именно отъ славянскихъ племенъ, обитающихъ на юго-западѣ отъ Россіи, подъ какими бы частными названіями они ни были извѣстны. Ибо невозможно, чтобы юго-западные составители нотныхъ книгъ и пѣвцы назвали родные имъ напѣвы мѣстнаго происхожденія именемъ чуждаго народа или племени, вопреки очевидной истинѣ и въ ущербъ своей чести и славѣ. Название это лишь не указываетъ въ точности мѣста и времени происхожденія роспѣва и путей, которыми онъ перешелъ въ Россію, а также, одно само по себѣ, не ручается за точность его заимствованія.

Что *болгарскій* роспѣвъ не русскаго и не южно-русскаго происхожденія, это подтверждается, между прочимъ, и содержаніемъ распѣтыхъ имъ пѣснопѣній. Роспѣвъ этотъ въ юго-западныхъ ирмологахъ является далеко не основнымъ роспѣвомъ при богослуженіи, а лишь *дополнительнымъ*. Онъ прилагается въ нихъ почти только къ тѣмъ пѣснопѣніямъ, пѣніе которыхъ требуется церковнымъ уставомъ, но которыхъ

не были распѣты древне-русскими *столповыми* и мѣстными *кіевскими* напѣвами, особенно же къ *тропарямъ, кондакамъ*, нѣкоторымъ *подобнамъ* стихиръ, а также къ пѣснопѣніямъ *сподвижнымъ*, точно такъ же, какъ въ Великой Россіи со 2-й половины XVII вѣка къ таковыимъ же пѣснопѣніямъ приложенъ роспѣвъ *греческий*. Тотъ и другой роспѣвъ, какъ *дополнительные*, очевидно, заимствованы изъ церквей болѣе благоустроенныхъ относительно предписанного уставомъ восточной Православной Церкви вицѣшняго храмового богослуженія, чѣмъ Церковь русская, въ которой не доставало напѣвовъ для распѣванія означенныхъ пѣснопѣній, но была нужда въ наиболѣе торжественномъ и полномъ отправленіи богослуженія¹⁾). А такими церквами восточного православія только и могли быть церкви греческая и славянъ придунайскихъ,—церкви, по мѣсту своего нахожденія и по времени своего устроенія, наиболѣе близкія къ первоисточникамъ христіанского храмового богослуженія, церкви, притомъ давнія нѣкогда первоначальное устройство и Церкви русской. Церковь римская, при разности ея устава съ восточною Православною Церковью, и церкви протестантскія, при скучности ихъ богослуженія, не могли дать Церкви русской никакихъ дополнительныхъ напѣвовъ. Нѣтъ никакихъ данныхъ и на то, что *болгарский* роспѣвъ греческаго происхожденія. Роспѣвъ этотъ могъ быть заимствованъ не отынуду, какъ изъ богослужеб-

---

1) Торжественность богослуженія въ юго-западной Церкви въ XVII вѣкѣ была противодѣйствиемъ церемоніальности и органному сладкозвучію, сопровождавшимъ римско-католическое богослуженіе, въ Москвѣ же она вызывалась высотою патріаршаго сана, а равно и присутствиемъ при богослуженіи царскихъ особъ. О торжественности служенія патр. Никона и употребленіи во время его *греческаго* чтенія и пѣнія. См. Истор. руск. Церк. митр. Макарія т. XII, со стр. 283. Въ Соловецкомъ монастырѣ на 15 августа 1702 г. въ присутствіи Петра Великаго все всенощное бдѣніе было пѣто *греческимъ* роспѣвомъ.

ной практики какой либо изъ церквей славянъ придумай-
скихъ, напр. сербской или болгарской, болѣе благоустроен-
ной въ чинѣ уставнаго богослужебнаго пѣнія, чѣмъ церковь
южно-русская.

Болгарский роспѣвъ затѣмъ по своей конструкціи и
мелодическимъ свойствамъ не похожъ ни на греческій древ-
ній или новый, ни на духовные канаты польско-уніатскаго
происходенія, излагаемыя, напр. въ „богогласникахъ“. Но
онъ также не имѣетъ почти ничего общаго и съ несомнѣнно
русскими роспѣвами—*столовымъ* и *кіевскимъ*, а между тѣмъ
носить на себѣ явную печать славянскаго народнаго пѣнія,
что также ясно свидѣтельствуетъ о юго-славянскомъ его про-
исходеніи. На такое его происходеніе не менѣе того указы-
ваетъ и его весьма ощутительное сходство съ сербско-
болгарскими напѣвами позднѣйшаго времени, извѣстными намъ
изъ изданія Корнилія Станковича¹⁾). Въ *болгарскомъ* роспѣвѣ
мы видимъ тотъ же общий характеръ мелодического движе-
нія, то же мелодическое раздробленіе протяженныхъ нотъ,
равно какъ повтореніе музыкальныхъ фразъ, повтореніе словъ
текста и проч.

Для исторіи *боргарского* роспѣва, наконецъ, не безъ
значенія остаются и нѣкоторыя другія его свойства, неизвѣст-
ныя въ другихъ роспѣвахъ. Это прежде всего то, что въ его
голосовыхъ напѣвахъ сохранился характеръ мелодического
движенія, свойственный *народно-мирскому* важному пѣнію
славянъ. Затѣмъ роспѣвъ этотъ, особенно въ наиболѣе худо-
жественныхъ его произведеніяхъ, имѣетъ *симметричный*
ритмъ и *тактъ*, не усматриваемый въ древнихъ роспѣвахъ
восточнаго происходенія. Наконецъ роспѣвъ этотъ какъ въ
Юго-Западной, такъ и въ Великой Россіи въ XVII вѣкѣ по-

---

¹⁾ Имъ въ 1854 г. издана литургія св. Ioanna Златоустаго въ
переложеніи на четыре голоса.

является не на крюковыхъ, а на квадратныхъ нотахъ линейной системы западно-европейского происхождения.

Вообще вышеизложенные данныя, а особенно свойства болгарского роспѣва, ведутъ къ слѣдующимъ твердымъ, хотя довольно общимъ, заключеніямъ относительно времени и мѣста его происхождения:

1) РОСПѢВЪ этотъ составленъ не въ Россіи, не въ греко-византійской Церкви и не на западѣ Европы, свободно и независимо какъ отъ старо-руssкаго *столоваго* и мѣстныхъ russкихъ роспѣвовъ, такъ отъ непосредственного вліянія греческаго и римскаго пѣнія.

2) Онъ образовался на рубежѣ христіанскаго Востока и Запада и принадлежитъ собственно *славянской* народности, *восточного православія*, сохрания не только духъ, но и формы славянско-народнаго пѣнія, съ примѣненіемъ ихъ къ богослужебной практикѣ именно восточной Православной Церкви.

3) По своимъ свойствамъ онъ составляетъ переходъ отъ древняго строго церковнаго стиля къ новому *народному*, отъ восточно-мелодическаго и *несимметричнаго* къ западно-гармоническому *симметричному* пѣнію. Онъ соединяетъ въ себѣ музыкальныя основанія древней Византіи съ мѣстно-народными элементами и позднѣйшими усовершенствованіями западнаго музыкально-вокальнаго искусства.

4) По всему этому онъ не принадлежитъ къ древнимъ церковнымъ роспѣвамъ. Возникновеніе его и систематическую обработку должно относить ко временамъ новой исторіи, именно къ периоду преобразованій церковнаго пѣнія на западѣ Европы изъ староцерковнаго въ *народное* и ко времени введенія въ пѣніе музыкальнаго *ритма* и *такта*. Эпоха же такихъ преобразованій въ церковномъ пѣніи на западѣ Европы совпадаетъ съ эпохой развитія тамъ всеобщаго недовольства бездушными формами католицизма и

падаетъ на время церковно - протестантскихъ преобразованій отъ Гусса до Лютера.

5) Но примыкая къ новымъ напѣвамъ западной Европы *народностію* мотивовъ и принятіемъ музыкального *ритма* и *такта* болгарскій роспѣвъ затѣмъ решительно не имѣть ничего общаго съ пѣніемъ западныхъ религіозно-протестантскихъ обществъ. Онъ, даже совершенно вопреки имъ, чуждъ роспѣванія псалмовъ, — этого основнаго текста протестантскаго богослужебнаго пѣнія, — и примѣненъ къ полнѣйшему чину богослуженія древней восточной Православной Церкви, каковой чинъ совершенно отвергнутъ протестантами.

Вообще же всѣ эти выводы клонятся къ подтвержденію той частной мысли, что *болгарскій* роспѣвъ составленъ не въ иномъ какомъ либо мѣстѣ, какъ въ земляхъ славянъ при-дунайскихъ и принадлежитъ собственно православной *болгарской Церкви*, откуда тѣмъ или инымъ способомъ заимствованъ и въ Юго-Западную православную Русь.

Болгарія издавна имѣла довольно *самостоятельную* отъ Византіи и совершенно независимую отъ Россіи церковную жизнь, почему могла имѣть и самостоятельные церковные напѣвы. Она была церковію исключительно *славянской* народности и легко могла удержать въ церковномъ пѣніи чисто славянскій народный характеръ. Она была церковію издревле и вполнѣ благоустроеною, съ *полнымъ* чиномъ богослуженія и церковнаго пѣнія, каковой чинъ издревле передавала и другимъ славянскимъ церквамъ. О полнотѣ и самостоятельности церковной жизни въ Болгаріи свидѣтельствуютъ древніе славянскіе переводы богослужебныхъ книгъ и выработка въ нихъ особаго церковно-славянскаго языка ставшаго впослѣдствіи общимъ богослужебнымъ языкомъ славянъ, а также и особый стиль болгарской иконописи. Но болгары издревле были любителями и знатоками и церковнаго пѣнія. Древнѣйшая русскія богослужебно-пѣвчія книги, а конечно

и напѣвы, въ нихъ заключающіеся, болгарскаго происхождѣнія. Въ Болгаріи древле были и особые отъ греческихъ пѣвческія крюковыя знамена. Болгарскіе пѣвцы, особенно же монашествующіе (по Григорію Симвлаху † 1420 г.) отличались нѣкогда великимъ искусствомъ въ пѣніи, но и нынѣ въ этомъ искусствѣ не уступаютъ пѣвцамъ греческимъ, какъ можно слышать это, напр., въ монастыряхъ аѳонскихъ¹⁾). А между тѣмъ болгарія находилась именно на рубежѣ христіанскаго Востока и Запада и потому, удержавъ восточные основы въ пѣніи, чрезъ западныхъ своихъ сосѣдей могла легко усвоить лучшее изъ западнаго искусства музыки и примѣнить оное къ своему богослужебному пѣнію.

На прямое или косвенное происхожденіе *болгарскаго* роспѣва именно изъ Болгаріи указываютъ и нѣкоторыя другія обстоятельства и прежде всего самое название этого роспѣва *болгарскимъ*. Ибо нѣть никакого повода предполагать, чтобы южоруссы подъ именемъ болгаръ разумѣли какое либо другое славянское племя, кроме нынѣ известнаго болгарскаго племени за р. Дунаемъ, или давали этому названію значение имени вообще *славянъ*. Напротивъ во всѣхъ пѣвчихъ юго-западныхъ книгахъ (напр. ирмологахъ) роспѣвы обозначаются соответственными частными надписями, напр., *кіевскаго напѣлу*, *острозскаго напѣлу*. А такимъ образомъ и надписанія: *болгарскаго напѣлу* или *болгарское* мы должны считать точными ихъ обозначеніями, указывающими на происхожденіе напѣвовъ именно изъ задунайской Болгаріи. Для названій же разныхъ роспѣвовъ ихъ собственными именами южоруссы съ ихъ просвѣщенными братствами во главѣ конечно имѣли прочныя историческія основанія, хотя и не дошедшія до нашего мѣста и времени.

---

¹⁾) См. путешествія на Аѳонъ епископа Порfirія Успенскаго.

Для Юго-Западной православной Руси было не мало поводовъ заимствовать дополнительные церковные напѣвы именно изъ православной болгарской Церкви. Церковь эта древнѣйшая изъ всѣхъ славянскихъ церквей. Въ теченіе многихъ вѣковъ она была неуклонною хранительницею восточнаго православія и обладала полнымъ чиномъ православнаго богослуженія. Церковь эта была праматерью другихъ православныхъ церквей, а въ числѣ ихъ и Церкви русской. Языкъ болгарскаго племени имѣетъ, сравнительно съ прочими славянскими племенами, наибольшую близость къ языку русскому, языкъ же церковный и совершенно полное съ нимъ сходство. Пѣснопѣнія *болгарского* роспѣва (напр. „Придите ублажимъ Іосифа“ и „Тебѣ одѣющагося“) перешли къ намъ безъ всякихъ перемѣнъ и исправленій въ текстѣ¹⁾). Эти обстоятельства предполагаютъ сходство болгаръ и русскихъ славянъ и въ музыкальныхъ вкусахъ. Не прививается къ намъ польская рѣчъ и польскіе мотивы пѣнія, болгарская же пѣсня звучить для настѣ родными и какъ бы уже привычными слуху звуками. Тоже и болгарскій роспѣвъ. Мы слышимъ въ немъ родственные намъ и какъ бы нами самими созданные напѣвы, легко ихъ понимаемъ и усвоемъ.

Извѣстность *болгарского* роспѣва на Аѳонѣ также весьма легко согласуется съ мыслию о происхожденіи его именно изъ Болгаріи. Окатоличенная въ своемъ большинствѣ, принявшия унію или протестантизмъ, славянскія племена запада: поляки, чехи, моравы не могли имѣть обмѣна въ церковномъ пѣніи съ православными монастырями аѳонскими, которые совершенно чужды всячаго вліянія западныхъ инославныхъ

---

¹⁾) Богослужебныя книги московской печати также безъ всякихъ перемѣнъ употребляются аѳонскими болгарами, напр., въ Зографскомъ монастырѣ. 2-е путешествіе на Аѳонъ архим. Порфирия Успенскаго. М. 1880 г., стр. 256.

въроисповѣданій, между тѣмъ какъ православные задунайскіе славяне, а въ числѣ ихъ и болгары, имѣли тамъ свои монастыри и скиты, въ которые привносили съ собою и церковные напѣвы родной своей страны. Этимъ-то путемъ только и могъ быть распространенъ на Аѳонѣ роспѣвъ *болгарскій*.

Такимъ образомъ извѣстный у насъ *болгарскій* роспѣвъ несомнѣнно составленъ болгарскимъ именно племенемъ и вѣроятно въ самой Болгаріи. Труднѣе опредѣлить время его составленія. Всякій систематическій роспѣвъ слагается, получаетъ свои типическія черты и общеизвѣстность постепенно и весьма медленно. Сотни мастеровъ работаютъ надъ составленіемъ его, сотни годовъ проходятъ, пока онъ получить достаточную полноту напѣвовъ, систематическую обработку, примѣненіе къ полному кругу богослужебныхъ пѣснопѣній, и затѣмъ, такъ сказать, право гражданства въ ряду другихъ церковныхъ роспѣвовъ. Распространеніе же вполнѣ сформировавшагося роспѣва, по обстоятельствамъ, можетъ быть и быстрымъ, чрезъ заимствованіе. Поэтому время заимствованія того или другаго роспѣва въ извѣстной странѣ или мѣстности иногда можно опредѣлять довольно точно десятилѣтіями или даже годами, время же составленія роспѣвовъ—лишь большими periodами времени и главное *эпохами* важнѣйшихъ церковныхъ или гражданскихъ событій. *Болгарскій* роспѣвъ принесенъ въ Великую Россію въ 1648—1650 году. Въ Юго-Западной Россіи онъ сталъ извѣстенъ съ начала XVII вѣка, въ periodъ ревностной дѣятельности тамъ противъ уніи православныхъ братствъ, въ periodъ обновленія юго-западнаго русскаго монашества и усиленныхъ сношеній съ задунайскими славянами и Аѳономъ, въ periodъ примѣненія тамъ къ церковнымъ напѣвамъ линейной нотописи. Но когда же роспѣвъ этотъ сложился въ самой Болгаріи?—Онъ сложился, конечно, въ periodъ самостоятельности и цвѣтущаго состоянія болгарской Церкви. А periodъ этотъ падаетъ особенно

на XIV и первую половину XV вѣка, когда Болгарія имѣла своихъ собственныхъ патріарховъ (1234—1463 г.) и не была еще окончательно покорена турками¹⁾). Въ эти вѣка Болгарія обнаруживала особую энергію и живучесть религіозно-благочестивой жизни: въ ней процвѣтала духовная литература, изобиловали благотворители аѳонскимъ монастырямъ²⁾). Получивъ въ это время систематической складъ, *болгарскій* роспѣвъ продолжалъ существовать и въ вѣка XVI и XVII и былъ извѣстенъ на Аѳонѣ чрезъ многочисленныхъ болгарскихъ его насельниковъ, откуда наконецъ въ началѣ XVII вѣка принесенъ и въ Юго-Западную Русь. Слѣды этого роспѣва на Аѳонѣ, по Барскому, оставались и въ XVIII вѣкѣ, но затѣмъ онъ, повидимому, какъ на Аѳонѣ, такъ и въ самой Болгаріи вышелъ изъ употребленія и постепенно замѣненъ напѣвами близкими по своей конструкціи къ нынѣшнимъ напѣвамъ греческой Церкви. По крайней мѣрѣ позднѣйшіе путешественники на Аѳонъ (еп. Порфирий Успенскій) и въ

---

¹⁾ Болгарія обращена въ турецкую провинцію въ 1393 году, но въ ней еще оставалось не мало мелкихъ владѣльцевъ съ особыми правами. Съ XIV же вѣка обнаружили стремленіе къ самостоятельной церковной жизни и другіе славяне: въ Сербіи въ 1346 году учрежденъ особый патріархатъ, а въ Польской Галиціи въ 1371 году особая отъ Московской митрополія. Черезъ сто лѣтъ послѣ того и митрополія Московская стала самостоятельною отъ Греческаго патріархата; съ того же времени въ Великой Россіи получило преобразованіе и церковное пѣніе.

²⁾ Изъ писателей XIV вѣка извѣстны: Іоаннъ Педасимъ, объяснившій стихотворенія јеокрита, Діонисій монахъ, переложившій *многія книги* съ греческаго языка на славянскій, Іоасафъ митроп. Видницкій, написавшій похвальное слово Филоѳею Терновской, Евфимій патр. Болгарскій, написавшій нѣсколько похвальныхъ словъ, житій святыхъ и другихъ сочиненій. 2-е путешествіе на Аѳонъ архим. Порфирий Успенскаго. М. 1880 г., стр. 195—197. О славянскихъ благотворителяхъ аѳонскимъ монастырямъ см. въ сочиненіяхъ того же автора.

Болгарію о роспѣвѣ этомъ не упоминаютъ, и уверяютъ, что болгари поютъ подобно грекамъ¹⁾.

На время образованія *болгарского* роспѣва въ вѣка XIV и XV приблизительно указываютъ и нѣкоторыя его особыя отъ другихъ церковныхъ роспѣвовъ свойства, располагающія причислить его къ группѣ новыхъ *национально-музыкальныхъ* напѣвовъ Европы, возникшихъ и утвердившихся въ ней въ періодъ религіознаго протеста противъ римско-католической церкви (XV—XVI в.в.). На западѣ Европы до Лютера церковная музыка имѣла характеръ изолированно *церковный*; дѣятельностю же Лютера и его друзей Вальтера и Зенфля она получила направленіе *популярное* и выразилась главнымъ образомъ въ формѣ нѣмецкаго хорала, характеристическія черты котораго еще ранѣе того были предначертаны въ Богеміи въ духовныхъ пѣсняхъ гусситовъ²⁾. Это новое направленіе выразилось въ удаленіи изъ пѣнія „хныканья и звуковъ“³⁾, т. е. растянутости и мелодическихъ украшеній въ текста, въ возстановленіи надлежащаго значенія текста при пѣніи и въ допущеніи общенароднаго церковнаго пѣнія. Церковное пѣніе соединило въ себѣ мотивы древняго грегоріанскаго пѣнія съ привычными уже народу *метрическими* и *гармоническими* элементами позднѣйшаго происхожденія. Для церковной музыки частію заимствованы знакомыя на ряду и любимыя мелодіи староцерковныхъ гимновъ, частію же аранжированы для церковнаго употребленія легко понятныя мелодіи мірскихъ пѣсенъ

¹⁾) »1-е путешествіе въ афонскіе монастыри и скиты«, архим., нынѣ епископа, Порфирия Успенскаго. Кіевъ. 1877 г., ч. I, отд. 1, стр. 68—72; отд. 2, стр. 117; ч. II, отд. 1, стр. 6; 2-е путешествіе это же. М. 1880 г., стр. 256 и др.

²⁾) И. Гуссъ сожженъ въ 1415 г., а Лютерь выступилъ съ открытымъ протестомъ противъ римской церкви въ 1517 г.

³⁾) Выраженіе Лютера.

со вновь составленнымъ стихотворнымъ текстомъ. Подобно сему было пѣніе и другихъ протестантскихъ обществъ. Пѣніе это сначала было простѣйшее трехъ и четырех-голосное, а затѣмъ многоголосное, безъ сопровожденія органа, и только впослѣдствіи появились мелодическія изданія въ унисонъ и особая отъ нихъ органная сопровожденія¹⁾. — Нѣчто подобное тому, но безъ измѣненія церковно-богослужебнаго текста и безъ органнаго сопровожденія мы видимъ и въ извѣстномъ намъ *болгарскомъ* роспѣвѣ. Въ немъ также весьма замѣтенъ *национальный*, именно славянскій элементъ, а въ нѣкоторыхъ его мелодіяхъ и мотивы важной *мирской пѣсни*, примѣненной къ богослужебному тексту. Болгарское пѣніе также даетъ болѣе важное значеніе тексту, чѣмъ мелодіи, именно: оно чуждо растянутости мелодіи, почти не допускаетъ мелодическихъ оборотовъ безъ подписи словъ текста и потому допускаетъ или сокращеніе мелодическихъ строкъ, или повтореніе словъ текста. Оно не вытѣсняетъ собою старо-церковнаго нашего знаменнаго пѣнія, а служитъ лишь дополненіемъ его пробѣловъ. Оно такъ же, конечно, какъ и *киевское* (по Гербинію), происходило съ участіемъ народа, ибо содѣжитъ въ себѣ народно-славянскіе мотивы, понятно и привычно народу, и донынѣ лучше и естественнѣе можетъ быть исполняемо народными массами съ ихъ приемами и манерами, чѣмъ хорами пѣвцовъ, сформированными на иностранно-европейскій ладъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ *болгарское пѣніе* соединило въ себѣ современный его образованію европейскій музикальный *ритмъ* и даже правильный размѣръ *такта*, а равно и простѣйшія гармоническія сочетанія звуковъ, весьма замѣтныя даже въ мелодическомъ его изложеніи. Въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка юго-западное церковное пѣніе, а следовательно и *болгарское*, было также *многоголосное*,

¹⁾ См. Schlüter: *Algemeine Geschichte der Musik.* гл. 7.

но сохранилось до нашего времени лишь въ болѣе позднихъ унисонно-мелодическихъ редакціяхъ.

Однако *болгарское* пѣніе должно считать не только независимымъ отъ западнаго протестантскаго пѣнія, но и предшествующимъ ему по времени своего сложенія. Народное пѣніе въ Европѣ возникло и развило сь при іерархической автономіи народовъ, единовременно и въ связи съ употреблениемъ народнаго языка при богослуженіи. Болгарское же племя было первымъ народомъ Европы (послѣ греческаго и римскаго), издавна имѣвшимъ и свою особую іерархію и богослуженіе на родномъ своемъ языке, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно и свои родные напѣвы. То, что у западныхъ народовъ Европы было запоздалымъ явленіемъ, обнаруживавшимся затѣмъ быстрою реформою, рѣзкимъ и крутымъ переворотомъ, въ Болгаріи происходило издревле, постепенно, путемъ естественнаго развитія. Поэтому, думаемъ, и *національный элементъ* въ пѣніи возникъ и утвердился въ Болгаріи ранѣе, чѣмъ у западныхъ народовъ. Послѣдніе, вводя національный элементъ въ богослуженіи и церковномъ пѣніи, уже имѣли для того, готовые примѣры и образы въ земляхъ славянъ приданайскихъ, каковые примѣры и образы конечно не остались безъ вліянія прежде всего на богемскихъ гусситовъ, а затѣмъ и на прочую протестантскую Европу. Отъ того - то въ *болгарскомъ* роспѣвѣ есть музыкальныя усовершенствованія западной Европы, но нѣтъ мотивовъ иностранно западныхъ, чуждыхъ славянству, ни западнаго богослужебнаго текста, ни инструментальнаго сопровожденія, возникшихъ и утвердившихся на Западѣ уже впослѣдствіи.

Съ допущеніемъ мысли о происхожденіи *болгарскаго* роспѣва именно изъ Задунайской Болгаріи намъ становятся ясными и пути, которыми роспѣвъ этотъ могъ быть перенесенъ въ Юго-Западную Русь. Это: а) непосредственная сно-

шения южноруссовъ съ славянами придунайскими и б) особенно сношения ихъ съ монастырями афонскими.

О непосредственныхъ сношенияхъ Юго-Западной Руси съ племенами славянъ придунайскихъ—болгарами, сербами, молдаванами и валахами—мы имѣемъ не одно историческое извѣстіе. Еще въ XV вѣкѣ Киевскимъ митрополитомъ приглашенъ былъ въ Россію знатокъ церковнаго пѣнія игуменъ сербской Дечанской обители болгаринъ Григорій Симвлахъ. Въ половинѣ XVI вѣка юго-западная братства Львовское и Переяславское посыпали своихъ дьячковъ въ Молдавію для изученія тамъ напѣвовъ греческаго и сербскаго¹⁾. Сношения Правосланой юго-западной Церкви съ православными церквами славянъ придунайскихъ и въ частности съ болгарскою Церковію особенно оживились въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка въ виду опасности отъ уніи, утвержденной на Брестскомъ соборѣ въ 1596 г. „Не мало вредятъ уніи въ нашемъ (польскомъ) королевствѣ, писалъ уніатскій митрополитъ Рутскій въ 1619—1620 г., иноземные владыки: греки и сербы, которые, когда хотятъ, прѣѣзжаютъ, когда хотятъ, уѣзжаютъ, никому не являясь и никому не предъявляя своихъ охранныхъ листовъ; они рукополагаютъ поповъ и совершаютъ все епископское въ нашихъ епархіяхъ“²⁾. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка изъ придунайскихъ славянъ жили не малое время въ Юго-Западной Россіи: Лука, митр. Бѣлградскій, болгарскій Софійскій архіеп. Неофитъ, Долматскій еп. Павелъ и др. Они участвовали въ освященіи православныхъ храмовъ, рукополагали священнослужителей и убѣждали ихъ мужаться до конца среди постигшихъ ихъ бѣд-

¹⁾) »Цер. пѣніе въ Россіи« прот. М. Разумовскаго, стр. 174.

²⁾) Проектъ Рутскаго о подчиненіи Киева своей дух. власти, въ »Вѣст. Зап. Россіи«, г. III., окт., отд. I, № 3, стр. 69. См. въ »Исторіи рус. Церкви« м. Макарія, т. X, стр. 485.

ствій. Въ это же время знатные и богатые славяне не разъявлялись благотворителями монастырей и усердными пособниками православнымъ юго-западнымъ братствамъ въ разныхъ церковныхъ дѣлахъ. Такъ, Львовскому братству помогали своими имуществами господари Молдавіи, братья Іеремія и Симеонъ Могилы, затѣмъ Радулъ Мигоня и Миронъ Барнавскій, сынъ же Симеона Петръ Могила, въ санѣ архимандрита Печерской Лавры, а съ 1633 г. Кіевскаго митрополита, посвятилъ всю свою жизнь и все свое имѣніе на созиданіе и возобновленіе православныхъ монастырей и школъ въ Юго-Западной Руси. Иные господари (Лупула) составляли соборы и содѣйствовали печатанію славянскихъ учительныхъ и богослужебныхъ книгъ¹⁾. Чрезъ эти сношенія Юго-Западной Россіи съ церквами славянъ придунайскихъ и особенно чрезъ властныхъ ихъ представителей могли быть заимствованы ею и славянскіе—сербскіе и болгарскіе—напѣвы.

Но для юго-западной Церкви былъ и другой, притомъ болѣе надежный, путь къ заимствованію юго-славянскихъ роспѣвовъ. Это сношенія ея съ славянскими монастырями на Аѳонѣ. Путь этотъ представляется самымъ естественнымъ и наиболѣе сообразнымъ съ историческими извѣстіями и статистическими данными. Аѳонъ, по идеѣ греческихъ царей, осуществленной св. Аѳанасіемъ, насидителемъ аѳонскаго монашества, „есть пристанище спасенія *всякой* души христіанской. Въ этомъ святомъ мѣстѣ не отъ единаго рода точю, или отъ двою, обрѣтаются здатели монастырей, но... отъ *всякаго* рода и языка православнаго: иже суть *первые и изряднѣйшиe* грецы и болгаре, потомъ же сербы, руссы, ивере

---

¹⁾) »Исторія рус. Церкви« м. Макарія, т. XI, стр. 343, 344, 379, 592 и др.

(грузины) и др.¹⁾). Основаніе монастырей славянскихъ на Аөонѣ относится еще къ XI и XII вѣкамъ. Съ этого времени и до нашихъ дней въ разныхъ аөонскихъ монастыряхъ не мало находится памятниковъ, свидѣтельствующихъ о пребываніи въ нихъ сербовъ и болгаръ. Таковы монастырскія дѣеписанія, о нихъ упоминающія, иконы славянскаго письма или же съ славянскими—сербскими и болгарскими надписями, многія рукописныя церковныя и нравоучительныя книги, многія имѣнія въ славянскихъ земляхъ, и донынѣ принадлежащія аөонскимъ монастырямъ, многочисленныя зданія, утварь и иконы, свидѣтельствующія о щедротахъ славянскихъ князей, господарей и воеводъ святогорскимъ монастырямъ. Не мало такихъ памятниковъ находится и понынѣ въ обителяхъ: *Ксенофѣской, Зографской, Хиландарской, Дахіарской, Свято-Павловской* со скитомъ *Лакосъ* и другихъ, которые нѣкогда были основаны и населены болгарами и сербами, а частію принадлежать имъ и нынѣ. Сношенія придунаїскихъ славянъ съ Аөономъ особенно были часты и тѣсны въ XIV и XV вѣкахъ, продолжались въ вѣка XVI и XVII и не прекратились донынѣ. Изъ числа славянскихъ племенъ болгары, по ихъ численности и значенію на Аөонѣ, занимали первое мѣсто послѣ грековъ и оставили наиболѣе ясные слѣды своего тамъ вліянія, напр., въ болгарской иконописи, славянской письменности и т. д. Въ давнее время множество болгаръ приходило сюда. Но сношенія болгаръ съ Аөономъ не прекратились и понынѣ. И нынѣ имъ принадлежать тамъ нѣкоторые монастыри и скиты (напр. Богородицкій или Верriotъ). Для болгаръ нынѣ есть тамъ школы и училище. И нынѣ наибольшее число богомольцевъ на Аөонѣ принад-

---

¹⁾ Изъ граматы болгарского царя Іоанна—Александра 1342 г. См. 2-е путешествіе еп. Порfirія Успенскаго въ аөонскіе монастыри и скиты. Москва. 1880 г., стр. 177.

лежитъ болгарскому племени, на пожертвованія и благотворенія котораго преимущественно уповаютъ святогорцы¹⁾.

Основатели аөонскихъ монастырей и ихъ разноплеменные насельники приносили съ собою на Аөонъ не только свой богослужебный языкъ и книги, но и церковные напѣвы. Ближайшіе, примѣры того можно видѣть въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ и въ скитѣ Андреевскомъ, населенныхъ русскими пришельцами²⁾. То же было и въ монастыряхъ болгарскихъ. Издревле болгары приносили съ собою на Аөонъ напѣвы и нотныя знамена отличные отъ греческихъ, памятникомъ чего служить, напр., Трифологіонъ XIII вѣка, хранящійся и донынѣ въ Зографскомъ монастырѣ. Въ 1726 г. въ Свято-Павловскомъ монастырѣ, по свидѣтельству Барскаго, „чтеніе и пѣніе и вся власть бяше болгарская“. О любви къ пѣнію болгаръ свидѣтельствуетъ между прочимъ икона *попской* Богоматери, покровительницы пѣвчихъ, хранящаяся въ Хиландарскомъ монастырѣ. О сладости, любви, согласіи и умиленіи въ пѣніи древнихъ монаховъ упоминаетъ въ своемъ словѣ болгаринъ, митрополитъ Григорій Симвлахъ († 1420 г.), имѣя въ виду, конечно, по преимуществу болгарскихъ монаховъ. Сербскіе и болгарскіе напѣвы, какъ сказано выше, въ XVIII вѣкѣ слышалъ на Аөонѣ Барскій. О болгарскихъ пѣвцахъ на Аөонѣ не однократно упоминаетъ въ своихъ путешествіяхъ туда еп. Порфирий Успенскій.—

---

1) Какъ эти, такъ и другія свѣдѣнія объ аөонскихъ монастыряхъ и ихъ насельникахъ заимствованы нами изъ путешествій на Аөонъ архимандрита, нынѣ епископа, Порфирия Успенскаго.

2) Въ скитѣ Андреевскомъ богослуженіе, церковное пѣніе, общежитіе и хозяйство установлены по чиноположенію русской Бѣлобережской пустыни. 2-е путеш. на Аөонъ архим. Порфирия Успенскаго. М. 1880 г., стр. 441. Въ Пантелеймоновомъ монастырѣ слышится пѣніе придворного напѣва. См. »Церк. Сѵнод. Вѣдомости« 1889 г., № 28. Изъ воспоминаній объ Аөонѣ проф. Н. Покровскаго.

Не многочисленны памятники *болгарского* роспѣва, но и они свидѣтельствуютъ о томъ, что издавна существовали особый отъ греческаго роспѣвъ болгарскій и особые знаменно пѣвческие знаки, что роспѣвъ этотъ былъ употребителенъ и на Аѳонѣ, что онъ сохранялся тамъ у болгарскихъ монаховъ даже въ XVIII вѣкѣ и былъ сходенъ съ роспѣвомъ того же имени, известнымъ и въ Россіи.

Съ Аѳона болгарскіе напѣвы естественно перешли и въ Юго-Западную Русь. Такъ думать располагаютъ близкія сношенія этой Руси съ Аѳономъ, особенно оживленныя и усиленныя съ XVII вѣка. Въ ея монастыряхъ съ самаго начала этого вѣка заводятся порядки по образцу монастырей аѳонскихъ, въ которыхъ по многу лѣтъ жили многіе русскіе иноки: „возвращаясь на родину они благоустроили свои обители по образцу обителей аѳонскихъ“. Такъ устроены: Львовскій Онуфріевскій монастырь, Креховскій Преображенскій, Мишелевъ и другіе¹⁾. Виновникомъ обновленія православнаго монашества на юго-западѣ Россіи былъ галицкій урожденецъ Іовъ Княгиницкій († 1621 г.). Посланный княземъ Острожскимъ на святую гору съ милостынею, онъ увлекся иноческимъ житіемъ на Аѳонѣ и пробылъ въ Ватопедской обители 12 лѣтъ, а затѣмъ, по возвращеніи въ Юго-Западную Россію (еще до 1607 г.), устроилъ общежитіе по обычай св. горы въ Уневской обители, потомъ монастырь и общежитіе въ Угорнице, общежитіе въ Дерманьскомъ монастырѣ, общежительный монастырь около Манева и наконецъ монастырь *Великій Скитъ* въ Галиціи, прозванный *Новымъ Ватопедомъ* въ Россіи²⁾. Подобнымъ же дѣятелемъ для юго-западнаго монашества Россіи былъ Исаакій Борисковичъ, 15 лѣтъ подви-

¹⁾ А. Ю. и З. Р. III, № 380. Сн. »Очеркъ истор. зап.-рус. II.« И. Чистовича. Спб. 1884 г., стр. 300.

²⁾ »Исторія рус. Церкви« м. Макарія, т. X, стр. 345—347.

завшійся на Аeonѣ. Онъ быль настоятелемъ Дерманьского монастыря въ Острогѣ (послѣ 1602 г.), затѣмъ Чернчичскаго, и ходатайствовалъ предъ іерусалимскимъ патріархомъ Феофаномъ о признаніи Луцкой церкви Воздвиженія Креста ставропигію. Съ тѣхъ поръ Аeonъ сталъ для юго-западнаго монашества *духовною школою*, въ которую посылались и изъ которой вызывались устроители монастырскаго порядка и благочестивой монашеской жизни. Въ 1621 г. на Кіевскомъ соборѣ, созванномъ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ „для совѣтованія о благочестіи“ между прочимъ постановлено: „послать на св. гору Аeonскую, чтобы вызвать и привезти оттуда преподобныхъ мужей русскихъ: блаженнааго Кипріана и Іоанна, прозваниемъ Вишенскаго, и прочихъ, прощающихъ жизнью и благочестіемъ; а также и впредь посыпать русскихъ, расположенныхъ къ благочестію, на Аeonъ, какъ въ школу духовную“¹). Митрополитъ Іовъ Борецкій († 1631 г.), какъ бы въ благодарность Аeonу за снабженіе Юго-Западной Россіи этими преподобными мужами, не разъ письменно ходатайствовалъ предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патр. Филаретомъ о милостынѣ для приходящихъ за оною аeonскихъ иноковъ²). — Сношенія Юго-Западной православной Руси съ придунайскими славянами и Аeonомъ не прекращались и въ XVIII вѣкѣ. Въ 1766 г. игуменъ Жаботинскаго Онуфріевскаго монастыря писалъ: „приходящіе изъ Волощины благочестивыхъ монастырей монахи и изъ св. горы Аeonской по нѣсколько человѣкъ въ нашемъ монастырѣ живутъ, мѣсяца по два и по полгода, и разсмотрячися, что во всемъ имѣется монастыреви нужда, паки въ малороссійскія монастыри, а инише обратно въ Волощину и въ св. гору отходятъ“³).

¹) Тамъ же, т. XI, стр. 286.

²) Тамъ же, стр. 394.

³) Дѣло арх. Св. Сѵнода 1766 г. № 218. См. »Очеркъ исторіи зап.-рус. Церкви«, И. Чистовича. Снб. 1884 г., ч. 2, стр. 231.

Наконецъ, съ Аеона получались иногда списки греческихъ книгъ для перевода ихъ на славянскій языкъ, напр., списокъ книги „житія святыхъ“, составленныя Метафрастомъ¹⁾.

О силѣ вліянія аеонскихъ монастырей на монастыри, а чрезъ нихъ и на все устройство церковной жизни Юго-Западной православной Церкви между прочимъ свидѣтельствуютъ названія въ ней монастырей, храмовъ, братствъ въ честь праздниковъ и святыни, особенно чтимыхъ на Аеонѣ, и даже названія нѣкоторыхъ церковныхъ должностей по образцу аеонскихъ. Таковы монастыри и храмы въ честь Успенія Богоматери, Пресв. Троицы, Рождества Богородицы, Спаса-Преображенія, великомученика Георгія, архистратига Михаила, свят. Николая Чудотворца, Іоанна Богослова, апн. Петра и Павла, св. Безсребренниковъ, пророка Илліи, св. Онуфрія и Симеона Столпника. Начальники монастырскихъ округовъ носили аеонское название *протовѣ*, а управители клиросныхъ пѣвцовъ—название *протопсалтовѣ*.

Въ монастыряхъ и церквяхъ, устрояемыхъ по образцу обителей и церквей аеонскихъ, естественно по аеонскимъ же образцамъ устраивался не только порядокъ монастырской жизни, но и чинъ богослуженія и церковное пѣніе. Послѣднее ясно изъ юго-западныхъ нотно-линейныхъ ирмологовъ. Самое содержаніе роспѣтыхъ въ нихъ *болгарскимъ* роспѣвомъ пѣснопѣній показываетъ, что роспѣвъ этотъ монастырского, именно аеонского происхожденія. По уставамъ монастырей и скитовъ аеонскихъ монашествующіе „обязаны со всюю точностию отправлять всю церковную службу... безъ малѣйшаго прибавленія и изъятія“²⁾). Только здѣсь, можно думать, на весьма продолжительныхъ всенощныхъ бдѣніяхъ выпѣвались не только

¹⁾ »Истор. рус. Церкви« м. Макарія, т. XI, стр. 611—612.

²⁾ См. напр. уставъ скита св. Димитрія. 2-е путеп. на Аеонъ еп. Порфирия Успенскаго. М. 1880 г., стр. 405.

воскресные тропари и богородичны на „Богъ Господь“, но и съдальны по 1-мъ и 2-мъ „стихологѣ“ каѳизмъ съ ихъ крестово-воскресными и богородичными, а равно и всѣ подобны стихиръ. Эти съдальные пѣснопѣнія, а равно и некоторые подобны у насъ не поются не только въ приходскихъ церквяхъ, но и въ монастыряхъ. Они не изложены нотно ни въ крюковыхъ старо-русскихъ книгахъ, ни въ сунодальныхъ изданіяхъ съ 1772 г. собственно русскими роспѣвами, изложены же лишь въ южно-русскихъ ирмологахъ и притомъ только болгарскимъ роспѣвомъ. Къ таковымъ же пѣснопѣніямъ должно отнести и стихири „на постригъ инокомъ“. Притомъ некоторые пѣснопѣнія болгарского роспѣва—подобны, славники, ирмосы—роспѣты очевидно въ честь мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ и мѣстно чтимой святыни монастырей аѳонскихъ. Таковы подобны великомученику Георгію и св. Безсребренникамъ, архистратигу Михаилу, апостоламъ Петру и Павлу, св. Онуфрію, Сумеону Столпнику, евангелисту Іоанну Богослову, великомученику Димитрію, Іоанну Златоустому, тремъ великимъ Святителямъ. Этихъ пѣснопѣній, кроме подобновъ великомученику Георгію и св. Безсребренникамъ, въ сунодальныхъ нотныхъ изданіяхъ также не имѣется; не имѣлось ихъ, повидимому, и въ нашихъ старыхъ крюковыхъ нотныхъ книгахъ.—Наконецъ, самый текстъ пѣснопѣній, роспѣтыхъ въ юго-западныхъ ирмологахъ имѣеть редакцію не столповую велико-русскую или южно-русскую, а иную—истиннорѣчную, чуждую старо-русской хомоніи, а равно и архаизмовъ, и въ точности сходную съ редакціею четыехъ богослужебныхъ книгъ. Къ числу этихъ пѣснопѣній принадлежитъ и славникъ: „Придите ублажимъ Іосифа“, безъ сомнѣнія заимствованный изъ болгарской богослужебной практики.

Все это показываетъ, что болгарский роспѣвъ составленъ не въ Россіи и не отынуду заимствованъ въ нее, какъ отъ

болгаръ, чрезъ посредство аөонскихъ болгарскихъ монастырей, имѣвшихъ полный церковно - богослужебный чинъ и сохранившихъ церковно - славянскій пѣвческій текстъ въ его истиннорѣчной чистотѣ.

Болгарскіе церковные напѣвы, какъ особый видъ славянского пѣнія, несомнѣнно существовали на Аѳонѣ. Но позднѣйшіе путешественники по Аѳону (напр. еп. Порфирий Успенскій, проф. Н. Покровскій и др.) обѣ этихъ напѣвахъ тамъ не упоминаютъ. Куда же они дѣлись? Очевидно, что *болгарскій* роспѣвъ на Аѳонѣ не былъ всеобщимъ, а былъ въ употребленіи только у болгарскихъ его насельниковъ, какъ *сербскій* у сербскихъ. Онъ, безъ сомнѣнія, держался тамъ главнымъ образомъ устнымъ преданіемъ, а если и былъ записанъ, то нотами греческими, употребительными донынѣ на Аѳонѣ. Полное его развитіе и продвѣтаніе на Аѳонѣ должно относить къ вѣкамъ XV и XVI. Но постоянная смѣна монашествующихъ на Аѳонѣ даже въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ и преобладаніе на св. горѣ греческихъ насельниковъ не могли содѣйствовать постоянному продвѣтанію тамъ болгарского пѣнія. Оно смѣшалось съ греческимъ пѣніемъ и наконецъ имъ подавлено, точно такъ же, какъ въ русской Церкви оно затерялось нынѣ между другими роспѣвами и почти исчезло въ клиросной практикѣ.

Итакъ, съ обстоятельствами дѣла вполнѣ согласно предположеніе о заимствованіи русскою Церковью *болгарскаго* роспѣва изъ болгарскихъ монастырей Аѳона. Роспѣвъ этотъ принесенъ туда въ началѣ XVII вѣка болгарскими и русскими пришельцами Аѳона, устроившими русскіе монастыри по образцу аѳонскихъ, какъ дополнительный къ существовавшимъ уже тамъ роспѣвамъ *столовому* и *кіевскому*. Но за неимѣніемъ ясныхъ данныхъ, не легко решить вопросъ: въ томъ ли видѣ роспѣвъ этотъ заимствованъ въ Россію, въ

какомъ онъ существовалъ въ самой Болгаріи и на Аеонѣ? Нѣкоторыя обстоятельства и свидѣтельства путешественниковъ располагаютъ думать, что *болгарскій* роспѣвъ принесенъ въ Россію не въ томъ распространенномъ и украшенномъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ монастыряхъ аеонскихъ, но въ болѣе краткомъ, или даже нѣсколько измѣненномъ видѣ. Аеонское праздничное пѣніе болгаръ весьма протяженно и находится подъ вліяніемъ греческаго пѣнія. Въ Хиландарскомъ монастырѣ, въ присутствіи извѣстнаго ученаго путешественника по Аеону епископа Порфирия Успенскаго, всенощное бдѣніе продолжалось съ шести часовъ вечера до разсвѣта. Болгарскіе „пѣвцы долго предолго растягивали всѣ пѣснопѣнія подобно грекамъ. Изъ устъ ихъ слышались одни извилистые звуки, а словъ не слыхать“¹⁾). Пѣніе это, очевидно, какъ пѣніе грековъ и какъ древнее наше *столовое* пѣніе, было украшено продолжительными *кратиматами* (задержками мелодическими) съ употребленіемъ *терентисмъ* (словъ: те-ре-ре, а-на-не и проч.). Употребленіе болгарами этого рода украшеній въ церковномъ пѣніи донынѣ подтверждаютъ и путешественники по самой Болгаріи. Въ *болгарскомъ* же роспѣвѣ, излагаемомъ въ русскихъ нотныхъ книгахъ этихъ витѣватыхъ украшеній нѣть. Въ XVII вѣкѣ украшенія эти въ русской Церкви, даже и въ *столовомъ* пѣніи, стали выходить изъ употребленія и потому охотно исключены въ *болгарскомъ*, дополнительному роспѣвѣ. Возможно, что и размѣренный *тактъ* привнесенъ въ болгарскіе напѣвы впослѣдствіи. Такимъ образомъ *болгарское* пѣніе въ Россіи утратило часть своихъ свойствъ, видоизмѣнилось и преобразовалось въ новый, *производный* видъ роспѣва славянскаго, котораго, въ этомъ новомъ его изложеніи, нельзѧ найти въ точности ни въ Болгаріи, ни на Аеонѣ. Подобнаго рода видоизмѣненіе впо-

¹⁾ 1-е путешествіе на Аеонъ, ч. II, отд. 1, стр. 6.

слѣдствіи произошло и въ греческомъ распѣвѣ, принесенномъ въ Москву іеродіакономъ Мелетіемъ и усвоенномъ нашою клиросно-пѣвческою практикою.—Затѣмъ *болгарскій* распѣвъ несомнѣнно записанъ на юго-западѣ Россіи не греческими и не болгарскими крюковыми знаками, какіе употребляются и донынѣ какъ на Аѳонѣ, такъ и въ Болгаріи, и не *столповымъ* русскимъ знаменемъ, а мѣстнымъ *кіевскимъ*, т. е. пятилинейною квадратною нотою, совсѣми употребительными тогда для церковнаго пѣнія знаками *гаммы* и способами нотированія. Причемъ нотная запись напѣвовъ, вѣроятно, происходила не чрезъ переложеніе ихъ съ неизвѣстныхъ въ Россіи болгарскихъ крюковъ, а съ устнаго пѣнія аѳонскихъ и болгарскихъ пришельцевъ—знатоковъ этихъ напѣвовъ. Водворенный такимъ образомъ на юго-западѣ Россіи *болгарскій* распѣвъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, очевидно, не имѣлъ въ ней всеобщаго употребленія, а сохранялся въ клиросной практикѣ лишь нѣкоторыхъ монастырей и въ особыхъ малыхъ сборникахъ, или нотныхъ тетрадяхъ, для нась нынѣ утраченныхъ, и только со второй половины этого вѣка часть его вошла въ систему прочихъ церковныхъ распѣвовъ и стала помѣщаться на ряду съ ними въ церковно-пѣвческихъ сборникахъ для всеобщаго употребленія.

Причины сокращенія и видоизмѣненія *болгарскаго* распѣва въ Россіи находятся, конечно, въ разности народныхъ вкусовъ, въ склонности южноруссовъ XVII вѣка къ гармоническимъ украшеніямъ пѣнія, въ нѣсколько иномъ чинѣ и бытѣ русскихъ монастырей сравнительно съ аѳонскими, а главное въ утомительной продолжительности богослуженій при большомъ количествѣ нотно распѣваемыхъ пѣснопѣсній. Скажемъ словами епископа Порфирия Успенскаго, многократно присутствовавшаго при богослуженіяхъ на Аѳонѣ: „Человѣкъ не ангель. Не въ мочь ему славословить Бога

долго и неустанно“... Особено же не по силамъ такія бдѣнія богомольцамъ послѣ ихъ цѣлодневныхъ трудовъ¹).

Но въ *болгарскомъ* роспѣвѣ и въ измѣненномъ его видѣ, и въ новомъ его нотномъ изложеніи, сохранились нѣкоторые слѣды древняго византійскаго церковнаго пѣнія. Это: а) система церковнаго *осмогласія* и музикальныя основанія, несомнѣнно древне византійскаго происхожденія; б) его мелодичность и протяженность напѣвовъ сравнительно съ другими, позднѣйшими роспѣвами; в) самое повтореніе словъ, а иногда и слоговъ, обнаруживаетъ его нѣкоторую зависимость отъ греческаго пѣнія, въ которомъ подобнаго рода повторенія практикуются нынѣ въ обширномъ видѣ²).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о юго-западномъ пѣніи вообще въ связи съ *болгарскимъ* роспѣвомъ. Нотно-богослужебныя книги, сохраняемыя юго-западною Церковью, а оттуда принесенные и въ Великую Россію, служать отображеніемъ ея церковнаго внутренняго и внѣшняго состоянія. *Столповое* пѣніе, тщательно въ нихъ сохраненное, свидѣтельствуетъ о кровномъ, національно-религіозномъ родствѣ и единствѣ южноруссовъ съ коренною Россіею и о твердомъ блуденіи ими началъ церковно-русскихъ, *кіевской* роспѣвъ—о ихъ религіозно-благочестивой настроенности, выражаемой самодѣятельностю и попеченіемъ о благоустройствѣ церковномъ; *болгарскій* роспѣвъ служить доказательствомъ ихъ духовнаго союза съ прочими славянскими церквами восточнаго православія, протестомъ противъ латинскаго, чуждаго національныхъ элементовъ пѣнія, и наконецъ выражениемъ стремленія иметь по возможности полный чинъ устав-

¹⁾ 1-е путеш. въ аѳон. монастыри и скиты, ч. II, отд. 1, стр. 6.

²⁾ Примѣры сего см. въ *Etudes sur la Musique Ecclesiastique Grecque*. Январь—май 1875 г. Par L. A. Bourgault-Ducoudray. Paris. 1877 г. pag. 53—54.

наго богослужебнаго пѣнія, совершаемый на практикѣ въ благоустроенныхъ монастыряхъ и церквяхъ православной Болгаріи и подвижническаго Аеона.

А такимъ образомъ и вопросъ о соотвѣтствіи *болгарскаго* роспѣва православному богослуженію, какъ решенный уже практически въ православной Церкви болгарской, матери нашей Церкви, а также въ исконахъ вѣрныхъ православію монастыряхъ Аеона и наконецъ въ юго-западной русской Церкви, оказавшей столь великую ревность о чистотѣ православія, равно какъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, церковныхъ обрядовъ и церковнаго пѣнія, не нуждается въ дальнѣйшихъ и подробныхъ изслѣдованіяхъ. Роспѣвъ этотъ, не только по содержанію роспѣтыхъ имъ пѣснопѣній, но и по своему происхожденію, и по своимъ свойствамъ, достоинъ церковнаго употребленія, почему и допущенъ въ клиросной практикѣ Православной русской Церкви со временемъ патріарха Никона.

